

Валерий Рубин

Правила поведения в пустоте

*Секретный
сотрудник, кн. 3*

Валерий Рубин

Правила поведения в пустоте.

Секретный сотрудник, кн. 3

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=39826448
ISBN 9785449399045

Аннотация

Пошлет ли Творец нам в этот раз Ноев ковчег? Трудно сказать. Скорее всего, нет. Возложит на могилку человечества генномодифицированные черные розы и произнесет нечто вроде эпитафии: «Ибо прах ты и в прах возвратишься...» Adios, amigos! Shalom, chaverim!

Содержание

Глава I	5
Глава II	33
Конец ознакомительного фрагмента.	48

**Правила поведения
в пустоте
Секретный сотрудник, кн. 3**

Валерий Рубин

© Валерий Рубин, 2018

ISBN 978-5-4493-9904-5 (т. 3)

ISBN 978-5-4493-6418-0

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Глава I

Барселона... Барселона... Как же давно я хотел побывать в городе, основание которого приписывают мифологическому герою Гераклу. В городе древнейшей истории, центре мировой культуры, куда туриста ведут все дороги и авиационные маршруты, где можно полюбоваться творениями волшебника архитектурного дизайна Антони Пласид Гильем Гауди-и-Корнет, великого Гауди. Храм Святого Семейства, Дом Бальо, Дом Мила... Да что говорить: Барселону нужно видеть!.. И вот я здесь. Своими молитвами и согласно желанию, – все равно, что приказу, – Самаэля, моего Босса, Ангела Смерти, называемого в народе также Люцифером (Люцифером) или Князем Тьмы. Редко теперь его вижу, но это ничего не меняет. Мне уже забронирован номер, чему я не был удивлен, поскольку считаю себя в длительной служебной командировке, то есть, путешествую по миру по служебным надобностям. В качестве кого? Какая разница. Так сложились обстоятельства. Вначале спасался от мести иллюминатов, потом – «патриотов». Сейчас нахожусь в столице Каталонии, Каталуньи, как здесь говорят, с целью поправки расшатанного вконец здоровья. Для кратковременного отдыха. Вот наберусь сил – и...

И что? Видимо, меня ждет новое задание и новый экзамен. Это как в жизни: «зебра» – чередование черных и белых

полос. И пока есть возможность, надо брать от нее, от жизни, все. Хотя, понятно, с собой в могилку не унесешь. О могилке думать рановато, если тебя поселили в четырехзвездочном отеле под говорящим именем *Transit*, утопающем в тени улочки шириной в три метра. Вам это ничего не скажет, а для меня *Transit* – намек. Прекрасное расположение, в центре Старого города, рядом с Площадью Испании, построенной к Всемирной выставке 1929 года. Не шикарно, но о другом я не стал бы и мечтать. Это, на мой взгляд, и хорошо: можно побродить по окрестным улицам, вкусить их запахи, познакомиться с достопримечательностями. И вокзал *Barsela Sants* близко, и бесплатный *Wi-Fi*. пляжные отели не для меня. Мне интересны история, география, люди тех мест, что удалось посетить. Недолго, впрочем, радовался: вернувшись на следующий день с утренней прогулки, я обнаружил на столике величиной с шахматную доску, окруженную четырьмя стульями, записку, адресованную мне, Алехандро. То ли горничная принесла, то ли администратор, хотя корреспонденцию для постояльцев принято держать в лобби. В записке мне было предписано снова отправляться в путь. Как же так? Что я скажу друзьям? Не побывать на знаменитом рынке Бокерия, не полюбоваться единственной в своем роде пятиметровой скульптурой кота на улице Рамбле де Раваль? Не успел, не посмотрел, не вкусил – и на тебе... Но с Боссом не поспоришь, так ведь?

Барселона в представлении многих, кто здесь ни разу

не был, — это огромный портовый ареал, окруженный зелеными лесами и цветущими полями, напичканный архитектурными шедеврами внутри. Ничуть не бывало. Чуть дальше за городом самая настоящая суровая каменная степь. Пусть и не совсем пустыня, но что-то к ней близкое. Гористое плато. Мрачное торжество скупой природы. Своеобразная окостенелость этого уголка страны носила печать седой истории, была сродни тщательно оберегаемым здесь средневековым традициям и обычаям, таким как бой быков, корриде, первобытной, по существу, забаве, пережитку прошлого, почитаемой как благородный вид спорта. Холмы, там и сям скальные россыпи, редкая растительность. Архаика. Красиво, правда, этого не отнимешь, но и не беззаботная пляжная равнина Барселонеты с трогательной ее заботой об уголках для нудистов, коих здесь пребывает во множестве. Понятно, солнца в этих краях так много, что хочется сбросить с себя все. Все до ниточки! Мне не до красот, мне сказано прибыть туда-то и туда-то. Куда, я и сам толком пока не понял, но идти надо. Босс зовет на совещание. Не было ни гроша, да вдруг алтын, — так это в старину называлось. Это большая честь, знаете ли, приглашение к Боссу на совещание. Тему совещания, правда, записка не уточняла. В целях конспирации, наверное. Или сюрприз организаторы хотели устроить приглашенным. Сюрпризы, как вы сами можете знать, разные бывают, вплоть до отделения головы от шеи посредством гильотины. На всякий случай, может, стоило бы вы-

мыть шею. Шучу.

Совещание состоится – гласила записка – в пещере неподалеку от монастыря Монсеррата, ныне оплоте Ордена бенедиктинцев, а монастырю этому уже далеко за тысячу лет. До стен монастыря от Барселоны километров пятьдесят, не меньше, – я смотрел по карте. На поезде добрался бы за каких-нибудь минут сорок, но предписано преодолеть пешком, как паломнику, бредущему с дорожным посохом ко святым местам. С одной стороны, как испытание воли и выносливости, с другой, возможно, чтобы за мной не увязались нежелательные попутчики. Великолепие собора, угнездившегося среди гладко обточенных ветром и дождями известняковых скал, каким-то чудом прилепившегося к краю пропасти, я смогу наблюдать вблизи, но издали. Я не из категории зевак, так что не положено. Вердикт Босса суров, но для меня он закон. *Sic!* Монастырь бенедиктинцев хранит одну из самых почитаемых в Испании, да и во всем католическом мире святынь – «Черную Мадонну», статую Богоматери с младенцем на коленях, «Смутляночку» на местном (каталанском) наречии, к которой стекаются толпы почитателей, пилигримов и любителей поглазеть на то, чего не увидишь на родине. Богоматерь, то есть, – я имею в виду фигурку, искусно вырезанную из черного тополя.

Это только так поется, мол, десять тысяч километров пустяки. Для меня, молодого, и 50 км показались адом. Я немного схитрил и большую часть пути преодолел на элек-

тричке, пришлось купить комплексный билет, как делает большинство туристов. На одной из остановок, уже ближе к монастырю, сошел, однако к концу пути я едва плелся, одолеваемый слепнями, хорошо еще, не сопровождаемый парящими в небе грифами, у которых необыкновенно развито чутье на потенциальную мертвечину, которую они и преследуют до победного конца. Безграничный простор, потрескавшийся от безвременья камень, дразнящая синева неба.

Слепило солнце, я уже не различал дороги, да, ее и не было, скорее всего, лишь узкая тропинка, чуть поросшая жухлой травой... И когда я совсем изнемог, – что вы хотите от городского жителя, – впереди показалась развилка с указателем. Указатель был установлен специально для меня. Я это понял сразу. Стоило мне пройти еще несколько шагов, как он исчез, испарился в знойном мареве, будто никогда его и не было. Я уже отчетливо различал монастырь, но мне строго наказано: туда не надо ни под каким видом. Впереди в густых зарослях терновника возникла вдруг железная двустворчатая дверь. Нет, это не мираж. Она не выглядела новой, местами была изрядно изъедена ржавчиной и помечена птичками, однако предназначение свое выполняла. Дверь, ведущая в неизвестность. В преисподнюю? Странно было видеть на ней до сияния начищенную бронзовую ручку в виде пасти дракона. Чтобы я ненароком не прошел мимо, на вход указывала стрелка: *Aqui!* (сюда! – исп.) Вот он, мой жребий. Это на первый взгляд может показаться, что

ты здесь по доброй воле. Отнюдь. Место встречи изменить нельзя, вот и фильм с таким названием отсняли. Неплохой, кстати, зря убрали на полку. Конечно, можно было бы попытаться опоздать на поезд, выбросить, не читая, ту записку, только напрасно все это. Кому суждено быть повешенным, не утонет. Свобода выбора – иллюзия, миром правит фатализм.

Я постучал в запертую дверь. Хриплый, грубый будто с похмелья сердитый голос, как мне показалось, британского бас-гитариста и вокалиста Лемми, недовольно прорычал откуда-то из-под земли: «А для чего звонок?» Привратник прав: звонка-то я и впрямь не заметил. Электрический звонок – и где? В терновнике. Чудеса просто, не хватает еще негасимого пламени, и полный порядок. Правда, и я не Моше-Моисей. Дверь, наконец, распахнулась, а за порогом меня ждала крошечная тьма. О такой пишут: не видно ни зги... Подтверждаю. Кстати, о том, что такое «зга», ученые-лингвисты спорят до сих пор. Одни считают, что речь идет о дороге в безлунную ночь, другие – мол, это искры из глаз, если налететь головой на что-то твердое в погребке, третьи говорят, что потемки, причем, полные, где черные кошки играют в прятки. И – вдруг, не слишком ли много этих «вдруг» – меня ухватили за руку и потащили вглубь пещеры, причем, я отчетливо сознавал, что волокут меня вниз, в подвал. Я же говорил, что мне готовят сюрприз, не иначе, как на суд инквизиции, чем во веки веков славилась эта

обильная плодами благодатной почвы и благочестием людей страна... Но за что? Разве сегодня средневековые на дворе? Спросить было некого, и я благоразумно промолчал, прибегая вопросы на потом, если разрешат их задать.

И первый вопрос не замедлил себя явить.

– Над всей Испанией безоблачное небо?..

Ясно, что это был пароль, ответ на который мог знать только тот, кому он был сообщен. Собрав воедино все свои знания испанского, потому что каталан я еще не успел освоить по прибытии в Барселону, я отозвался этой же фразой:

– *En toda España cielo despejado.*

Тут же стало светло как днем, и я вдруг – третий раз «вдруг» за последние несколько минут – очутился в приемной, оборудованной по последнему писку моды для офисных помещений, отделанному мрамором цвета слоновой кости. Испания славится превосходным мрамором из Аликанте, это всем известно. За огромным орехового дерева столом сидела миловидная секретарша, на бейджике которой значилось имя: Маруся. Чтобы не было скучно, она наносила себе на ногти лак, как и полагается секретаршам на работе в солидных организациях. С той небольшой разницей, что у этой были небольшие, аккуратно подпиленные рожки. Не мегера какая-нибудь, а самая настоящая чертовка... Где-то я уже такое видел? Точно, в аду. В мистическом триллере Фрэнсиса Лоуренса «Константин». Общую картину дополнял висевший на стене офорт Франсиско Гойи «Сон разума рож-

дает чудовищ», каким-то непонятным пока для меня образом – телепортация? – перекочевавший сюда из Национальной библиотеки в Мадриде. Творение великого художника призывало к бдительности, к сопротивлению козням темных сил, овладевающих во сне фантазиями человека, что позволяло трактовать гравюру-аллегию как реальность, данную нам в ощущениях.

– Вас примут, – сказала существо с рожками и ямочками на щеках, даже не взглянув на меня. Ну, что-то типа, вас много, а я одна. – Сядьте пока. Можете полистать журналы.

Ничего не оставалось делать, как подчиниться. С ними, с чертями, шутки плохи. Разговоры на вольные темы с молоденькими грудастыми секретаршами легко подверстать под статью о сексуальных домогательствах. Подобными новостями полнится мир. Журнал попался интересный. *Voque* писал: «Как носить широкие джинсы этой зимой». Не прошло и десяти минут, как меня окликнули:

– Проходите. Вас ждут. – Чертовка таки оглядела меня с головы до ног на предмет неизвестно чего и вдруг улыбнулась, будто нашла на мне что-то забавное, вроде носков разной расцветки или расстегнутого гульфика.

Это же надо! Четвертый раз «вдруг». А еще говорят, что Бог, мол, любит троицу... Ну, да... Так то же Бог. Я в свою очередь попытался изобразить на лице улыбку, но у меня мало что получилось. Я вообще-то улыбчивый, но обстановка нестандартная, нервы на взводе, а тут еще красотка кокет-

ничает молодая. Словом, я толкнул дверь (простую, обитую искусственной кожей, за такими обычно сидят профсоюзные лидеры, чтобы быть ближе к народу) и шагнул в преисподнюю. Мама дорогая!.. Кого я вижу!..

— Ну, привет, Алехандро. Я тебе обещал — я всегда выполняю свои обещания.

Конечно, как я раньше не догадался. Босс собственной персоной. Один. Никакого вам «совещания». В обстановке строжайшей секретности. Принимает меня — впервые — в своей штаб-квартире. На этот раз в образе патриарха. Благообразный старик высокого роста, с окладистой, вьющейся колечками белоснежной и ниспадающей на грудь до пупка бородой, в яркой изумрудно-зеленого цвета шелковой хламиде с вышитыми на ней звездами, в сандалиях на босу ногу. Вылитый Гассан Абдуррахман ибн Хоттаб. Не хватало только чалмы на лысой его голове. Таким я никогда не видел и не мог даже вообразить Ангела Смерти, моего Самаэля.

— Здравствуйте, Босс. Как поживаете?

— Спасибо, не жалуюсь. Отдохнул?

— Да куда там... Хотел на Ибицу махнуть, там, пишут, голышом народ ходит, хотел посмотреть, — а тут ваша записка...

— Время не терпит, Алехандро. Ты и так неплохо уже отдохнул в Тель-Авиве. Пора и за работу.

Это Босс о моих якобы каникулах в Тель-Авиве соизволил пошутить. Имеет право. Он — Босс. Я для него один из сол-

датиков его армии. Как он однажды изящно выразился: мол, Я выстругиваю вас как деревянных человечков, Буратино, то есть, вкладываю в вас душу, но с тем, однако, условием, что будете вы послушными Мне вовеки веков. Тоже мне, папа Карло.

– Нет проблем, Босс.

– Вот и отлично. Ты помнишь, я говорил о награде за службу?

Еще бы не помнить. Только и думаю, когда и что за награда. Ночей не сплю.

– Но разве командировка в Тель-Авив не награда была?

– Нет, дорогой мой. Я совсем о другом. Я тут посоветовался с товарищами...

Интересно, с какими это товарищами, уж не с красоткой ли этой крашеной с симпатичными рожками?

– ... и решил отправить тебя на последнее задание. Не обессудь. Воистину, последнее. Но перед этим тебе предстоит пройти процедуру реинкарнации, смены личности, если по-простому, чтобы начать новую во всех отношениях жизнь.

Я привык к чудачествам Босса, так что даже не икнул, принял как должное. Реинкарнация так реинкарнация. Интересно бы только знать, в кого именно меня реинкарнируют.

– Быть тебе котом, Алехандро... В другой жизни. Но не обычным, что по дворам и помойкам шастают или

на диванах разлеживаются. Тебе беспокоиться не о чем. Запишем в твой мозг программку, программисты ее прошивкой памяти называют, а дальше все пойдет как по маслу. Беспокоиться не о чем, как я уже сказал. Вначале, правда, придется подучиться малость в одном специальном заведении, в роль войти, чтобы комар носу не подточил. Потом тебя кое-куда пошлют. Цели в жизни важны, сам понимаешь, но это не главное. Важен путь, который предстоит пройти. Дорога, путь – вот что делает из человека человека.

Терпеть не могу, когда напускают туману, ходят вокруг да около. И куда, интересно бы знать, пошлют, – соломки бы подстелил. Я и сам могу послать, если нужно, далеко и без предисловий. Глупо думать, что наш мир – лучший из миров, как самодовольно утверждают лакеи при дворе, осчастливленные минутным вниманием владыки. Нет, наш мир несправедлив, дик, сумасброден, кровожаден, попросту ужасен. Люди порочны, языки их подобны отравленным стрелам, вонзающимся в тела жертв, а речи подобно миазмам отравляют воздух. Дела же и поступки их бесстыдны и блудливы, пагубны для них самих, но благосклонно принимаются Дьяволом. Только младенец на руках матери чист и безгрешен. Но стоит ему повидать свет и начать взрослую жизнь, чтобы не отстать от других, идти в ногу с прогрессом, как душа его неминуемо покрывается болезненными незаживающими язвами и становится похожа на изъеденное молью дырявое платье, висящее в запертом старомодном шкафу.

– Но ты все преодолеешь. Я в этом совершенно уверен. Зато в конце концов попадешь, с Божьей помощью, конечно, и Моей, туда, где Макар телят не гонял, это уж точно.

О, господи, неужели забросят на Луну и оставят там без компьютера, как Ленина в Шушенском?

– Это и будет моей для тебя наградой. Ты справишься. Беспокоиться не о чем.

Когда три раза подряд произносят, что беспокоиться тебе не о чем, не знаю, как вы, а я начинаю всерьез беспокоиться.

– Будет нелегко, сразу скажу. Новая необжитая планета не для слабонервных...

В противогазе придется ходить все оставшееся время и в резиновых сапогах, подумалось мне, как только я это услышал, и первое, что пришло в голову.

– Но уговор наш, пусть он и не скреплен кровью, остается в силе. – продолжал Босс. – В конце пути ты должен мне сообщить, что делать с Землей и с землянами? К какому выводу пришел. Скажешь оставить, как есть, – оставим в покое старушку, пусть угасает медленной естественной смертью. Скажешь сравнивать Землю с землей, прости за тавтологию, – и это нам по плечу.

– Босс, неужели и Барселону сравниваете?

– И что? Ты прекрасно знаешь, что так или иначе «время рушит гранитные замки и заносит песком города».

Еще бы не знать, когда это слова из песни Аллы Пугачевой... Я спорить не стал, бесполезно. Взял под козырек, по-

прощался с Боссом, приобнял по-дружески секретаршу Марусю и чмокнул ее в щечку. Она не сдержала чувств, всплакнула на моем плече, оставив следы помады. Прошептала на ухо: «Я буду тебя ждать, сколько бы не пришлось». Произвел, стало быть, впечатление. И стало у меня на душе легко-легко, почувствовал я, что готов к новым подвигам. Ласковое слово и коту приятно. И... А что случилось потом, вы узнаете через каких-нибудь пару минут.

(to be continued)

Имейте в виду, любые совпадения с реальными людьми или событиями являются случайными, и автор за них, за события, ответственности не несет. Впрочем, замечание это не касается вышеупомянутой Барселоны. Она существует

Я – кот. Представьте только, сам себе кот. Не потому, что гуляю, где хочу. Нет, я кот по праву первородства. То есть, если заглянуть в древние манускрипты по астрологии, то обнаружится, что первоначально я родился котом. Это потом уже я перепробовал обличье гипнотизера, фокусника-престидижитатора, еще кем-то был, не упомяну... История моя тонет в глубине веков, – и теперь вот, в конце концов превратился в человека. Кото-человек, что ли? Пожалуй, что так. Реинкарнация, по-научному. Лента Мёбиуса, склеенная Творцом в ходе занятий по курсу математико-психоделического искусства.

Быть котом, доложу я вам, просто наслаждение какое-то.

Ни галстуков, ни костюмов, ни носков – одна только шкурка требуется. Зимой и летом одним цветом. На все про все. И постоянно – красавец. Коты – они вроде цветов, пригодны для дарения, некрасивых просто не бывает, даже если заморыш последний. И это точно не собака. Все тобой восхищаются, норовят в очередь стать, чтобы погладить, угостить чем-нибудь вкусненьким. Даже умываться не обязательно. Так, приличия ради, лизнешь иногда лапку-другую, проведешь шершавым язычком по шерстке, чтобы все видели, какой чистюля живет в доме. Однако в душе я – человек. Или, наоборот, кто его разберет.

Нет, для домашних я кот, конечно, у меня даже имя есть для этого уменьшительно-ласкательное – Длинные Усы. Кстати, пока не забыл сказать: местные кошки меня просто обожали. А вот для остальных, стоит мне на улицу выйти по делам, – я человек. Другими словами, чтобы внести ясность в это запутанное умозаключение, человек видит во мне человека, а кот – своего собрата кота. Мерцающий я. Как галлюцинация или голограмма. Кстати, вы ведь знаете – или еще не в курсе? – что внешность предмета зависит от восприятия его органами зрения. Вот, скажем, такая загадка: крокодил и человек смотрят на незнакомую бабушку, играющую возле пруда, и что они видят? Человек видит старушку, у которой не все дома по причине тягостных раздумий о пенсии, которую задержал Пенсионный фонд и на что жить, непонятно, – кто же еще, в противном случае, будет

играть возле пруда, кишашего крокодилами? А крокодил что видит? Старый мешок, извините, с костями: ни разжевать, ни выплюнуть. Или – еще. Для меня (и для вас, надеюсь, тоже) трава – зеленая. Спору нет. А для птички, которая ищет в траве жучков и червячков? – какого цвета трава, можете ответить? Молчит наука! Я и говорю: все на свете относительно и условно, условно и относительно. Кроме времени – оно безразмерно и бесконечно. И нет ничего для нас всамделишного, кроме конкретного и осязаемого. «Есть только миг, за него и держись». Поэтому не падайте в обморок, если вместо меня увидите уличного кота. Не беспокойтесь, это я, собственной персоной. Однако на всякий случай, чтобы идентифицировать во мне знакомого, лучше позвать: Арчи... Арчи... И не забудьте кошачьей конфеткой угостить. *Temptations*. Во всех магазинах продают.

У котов, – вы, вероятно, уже знаете из книжек, – от рождения в головах заложена одна и та же программа, в которой главное – это умываться только после того, как покончил с трапезой. Еще погулять надо, погонять соседских котов и белок, поиграть в прятки с лягушками в траве, с птичками поспорить-подискутировать о смысле жизни и последних событиях в мире шоу-бизнеса, посетить пару раз, а лучше четыре, лоток обязательно, чтобы хозяйке доставить приятное, ну и так далее. У меня тоже, как и у кота, день распланирован, с тем, правда, отличием, что в свободное от работы время я пишу повести и рассказы, с лягушками не возжусь

и в лоток не сажусь.

Но дело не в этом. А в том, что прибыл я на Землю с Пояса Астероидов. Представляете? Не верите? У меня и паспорт есть с чипом и лазерной печатью. Все, как полагается: усы, уши, четыре лапы. Все на месте. Как так получилось? Я сам немного удивлен, но это совсем другая история, и я как-нибудь ее вам расскажу. Впрочем, зачем тянуть кота за хвост... Ладно уж... Поехали...

Да... Позвольте представиться. Арчибальд, собственной персоной. Сокращенно – Арчи. Но не от Артура (*Arthur*), – не путать. В метрике так и записано: Арчи Длинные Усы... Мне нравится, а вам? Арчибальд, кстати, в переводе «храбрый вождь». Получается, я – храбрый, отважный и справедливый. В меру, конечно. Ничего идеального ведь не бывает? Во всем гены мои виноваты. Интересная эта штука, гены. Вот у растений есть гены, как думаете? Что за чушь? Но почему они тогда все разные и разнообразные? А если есть у растений гены, их можно было бы скрестить с кем-нибудь. Например, василька с зеброй. Получилась бы зебра не в черно-белую полосочку, а вся в васильках... Похоже, что и меня когда-то в далеком прошлом скрестили... Однако заболтался я что-то. Историю свою обещал вам рассказать.

...Мне показалось, что я потерял сознание. На миг или на целую вечность, какая разница. Но когда я открыл глаза, я оказался в тесном кубрике, с нижним и верхним ярусами коек. Минимум мебели. Привинченный к полу столик,

как в полицейском участке на допросах, иллюминатор с полупущенными занавесями. Стальная дверь. Кондиционер. Притаившийся где-то под потолком, он незаметно выполнял свою работу. Его едва было слышно, но источаемые им волны озонированного воздуха, создавали ощущение близости теплого южного моря, отдаленного крика чаек.

Футляр с личным оружием был на месте, пристегнут сбоку на стене, как чеховское ружье, которое должно во втором акте пьесы выстрелить. Я немного успокоился, хотя какое спокойствие: я не помнил, как здесь оказался. И главное – почему и зачем?

Хорошо, начнем с того, кто я... Имя... Звание... Должность. Это было не трудно, достаточно взглянуть на удостоверение личности. Арчибальд Спенсер Гат. Не «гад», а именно «гат», прошу не утрировать. Служба внешней (военной) разведки. Капитан-лейтенант, каплей. Заверено печатью Департамента аномалий. Туман в голове, кажется, стал понемногу рассеиваться.

В кубрике было полутемно. Это и понятно: миссия была строго секретной, корабль двигался в темноте (космос!) с погашенными огнями. О самой миссии положено было знать совсем немногим. Проще говоря, всего двоим на борту, включая меня. Напутствуя, командер сказал всего три слова: «Я верю тебе». Офицер связи вручил под расписку пакет с красным сургучом, – там находилось техзадание с паролем для связи и еще один секретный конверт. Его надле-

жало вскрыть уже на борту, после старта с Земли и выхода на дальнюю эллиптическую орбиту.

Цель – Церера... Не такая, чтобы большая по земным меркам планета, но в системе Пояса по размерам ей не было равных. И это ничего, что она значится в Энциклопедии карликовой. Кому карлик, а кому и великан. Все зависит от точки зрения. Правда, зимой довольно холодно. Но народ тамошний привычен к холодам. Как в Якутии: закутал нос – и быстрее, куда глаза глядят, только бы успеть добежать до теплушки. Зато ускорение свободного падения (притяжение к поверхности) в добрую сотню раз меньше, чем на Земле. Можешь прыгать аж на километр, что в длину, что в высоту. Никто не запретит. Закона такого нет! А что не запрещено – то разрешено. И межгалактические рекорды можно устанавливать, и чемпионом олимпийским межзвездного пространства стать – как чихнуть...

Чем привлекает Церера иноземных захватчиков, так это своими недрами, строительным материалом, цереритом. Из него, говорят, можно столько понастроить всякого-разного... Ученые земные подсчитали: разведанных месторождений как минимум на миллиард людей хватит. Так что, кто в очереди стоит на жилье, не откладываете на завтра то, что можно сделать сегодня, в добрый путь – и на Цереру. Владельцев замков просят на беспокоиться. А воды там – вагон и маленькая тележка. Не верите? Вы давно не были на Церере? – оно и видно... И еще, что очень важно: рядом,

чуть дальше, на расстоянии нескольких парсеков расположен Юпитер, где огромные запасы бесплатного газа для отопления и кухонных конфорок, потом Уран – там урана, как собак нерезаных, потому и имя свое такое получил. И наконец, Нептун, тот по части межпланетной торговли большой специалист. Куплю-продам все, что хочешь. Биржевой дилер. Тоже может пригодиться. Сатурн? У него с кольцами проблема... Еще не придумали, как их использовать: то ли для Межзвездных кольцевых гонок, то ли оставить как есть, просто немного прибраться, пропылесосить, чтобы Конкурсы Внеземной Красоты можно было проводить...

Я еще про воду хотел добавить. Сравнивать Цереру с Клондайком было бы некорректно, да и нелепо: не та эпоха, не тот случай, но что касается воды... Здесь ее видимо-невидимо. И никаких водопроводов. Подземные источники бьют в каждой квартире. Приходишь с работы, открываешь кран – идет горячая... Поворачиваешь другой – потекла холодная. Рай земной, то есть не совсем земной, церерский, но вы поняли. Везде хорошо, где нас, землян, нет. Вот и лезем во все щели как тараканы. Но и осуждать рука не поднимается: жить стало совсем невмоготу. Повсеместное падение нравов. Взятничество и мздоимство чиновников. Откровенная тупость и некомпетентность Всемирного правительства. Что еще? Землетрясения, ураганы, пыльные бури, засухи, а тут еще озоновый слой истончился до невозможности, радиация зашкаливает... Вот и потянулись искать, где получше... Кто

смог из молодых – в эмиграцию на Цереру отправился, кто не в силах был расстаться с родными пенатами – остался дни коротать на шести сотках до самой смерти, смирившись с неизбежным Злом и оставив всякую надежду на приход Мессии...

Космический корабль класса «Топтун» тем временем прокладывает свой путь в пространстве, повинаясь командам автопилота. Спешить было некуда. Тоска. Обычный рейс. Задание стандартное: доставить пакет по месту назначения и следить в оба... За кем? Разве не понятно? Естественно, за вражескими лазутчиками. За всем, что движется. В космосе случиться может всякое. Поэтому нужны мы, топтуны, смотрящие за порядком. Топтуны – они вроде рыб-прилипал, крутящихся возле акул. Акула настолько привыкает к их соседству, что просто не обращает на их внимания. Топтун, конечно, не рыба-прилипала, но объект слежки также ровным счетом не замечает его. Если, конечно, топтун не делает ошибок, а объект ничего не подозревает или состоит с ним в дружественных отношениях.

Работа топтуна сродни балансированию на лезвии бритвы. Быть незаметным, следовать тенью за объектом, предугадывать его поведение и предусматривать варианты на случай аварийного бегства, – задача не из простых. Потому обычно слежку ведет группа, когда роль ведущего передается от одного офицера к другому. В космосе все иначе. Тебя видно за тридевять земель. Но и у космического наблюдате-

ля есть свои маленькие секреты, которым обучали в специальном учебном центре под вывеской Департамента аномалий в глухом поселении, отгороженном от внешнего мира колючей проволокой под током, в лесной чащобе Рязанской губернии. Грязями то местечко зовут. В Грязи, понятно, никто не сунется по доброй воле, только по служебной надобности.

Мой помощник совсем молоденький робот. Младший лейтенант, недавний выпускник Московской Краснознаменной Робототехнической Академии, сидел в боевой рубке, наблюдая за экраном локатора. Нас на корабле всего двое, так что вахту приходится нести посменно. У меня нет претензий к своему помощнику. Впрочем, и происшествий никаких с ним, к счастью, не было, и неудобств он мне не причинял. По окончании обучения в МоКРА на него была составлена характеристика, как и на всех выпускников. Умственные способности посредственные, склонность к кабинетной работе, здоровье в норме, вредные привычки отсутствуют. Не курит и не пьет. С девушками не гуляет. Но курсанты-сокурсники отзывались о нем положительно. Но учеба – это одно, а служба – совсем другое... Помощник. Старпомом в табели значится, хотя ни младших, ни просто помощников моему «Топтуну» по штату не полагалось. Интересно, каким он меня видит, как я выгляжу – с его, разумеется, точки зрения, человеком или котом? Забавно, однако.

Что ж, пожалуй, пора вскрыть пакет с заданием... Да,

но перед этим не мешало бы позавтракать. Кто знает, что они там в канцелярии понаписали? С них станется, весь аппетит пропадет. А на сытый желудок и приказ воспринимается по-другому. Кто я для них? Расходный материал. Будем исходить из этого. Что не так – вышлют робота на замену, поставят галочку: мол, импортозамещение успешно проведено. С людьми настоящими, я имею в виду, с кадровыми офицерами, сейчас напряженка, вот и объявили мобилизацию, Умные механизмы по домам шарят, улицы прочесывают, не прячутся ли где уклонисты. При малейшем подозрении гребут всех подряд, совершенствуют для этого функции наблюдения, сыска и задержания. О допросах и пытках и говорить нечего. Серийное производство роботов для хозяйственных, военных и специальных нужд было поставлено на поток, конкурировать с машинами становилось все труднее и себе дороже. Правовая же система была устроена до гениальности просто: права оказывались всегда те, у кого больше денег и, соответственно, больше прав. Креслами, чинами и портфелями торговали без зазрения совести, как и наградами, и званиями, и должностями вплоть до инспектора-живодера экспедиции по утилизации и кастрации котов. Какая все же мерзость!.. Истинно, выгребная яма, навозная куча. Деловому человеку, чтобы получить стоящий, жирный заказ, нужны были надежные, проверенные связи в чиновничьих «верхах». Слава богу, их есть у меня, как говорили когда-то в Одессе, сейчас не знаю, давно там не был.

Как там у Окуджавы? «Когда воротимся мы в Портленд, поделим золото, как братья. Поскольку денежки чужие мне достаются без труда...» Вернемся ли мы вообще, – это про нас, – вопрос отдельный, вроде гадания на кофейной гуще...

Настырное человечество меж тем метр за метром осваивало Солнечную систему. Флаги ООН уже были доставлены и водружены на Марсе, Луне, Венере, нескольких астероидах и так далее. Пояс Астероидов тоже уже начали было заселять, создавать плацдарм для полномасштабной оккупации, но вот здесь-то и возникли первые проблемы, что-то пошло не так. Местное население было категорически против нашествия пришельцев. Пришельцы – это, чтобы было понятно, – земляне, колонизаторы в пробковых шлемах, в маскировочных халатах и с карабином через плечо. Этих за версту было видно, так что дородные сельчанки все съестное успевали попрятать по погребам и схронам в соседнем лесу. Потом выходили за околицу и широко разводили руками в стороны с поднятым вверх средним пальцем: мол, нету ничего для вас, супостаты, ироды проклятые. Объясняться по-другому они не умели, а этот жест был включен в язык международного общения и всеми признавался: что на Земле, что на Церере. Нет – значит, нет... Конечно, роботам эти объяснения были «до лампочки», молоко, хлеб и куриное яйцо в их повседневное меню не входили, разве что побаловать себя по праздникам было можно, когда начальство далеко и не видело. А живым организмам, людям, перед даль-

ней дорогой делали уколы и прививки, так что есть вообще не хотелось. В принципе. Для Директората одной проблемой меньше.

– Капитан! Сэр, вы должны это видеть!

До этого момента все у меня было хорошо, здоровьем своим клянусь, все под контролем, предвидение такое, что вернемся на базу, банковский счет пополнится записью кредитов этак сразу на единицу со многими нулями, – я еще недоумевал, вот счастье-то привалило получить такой богатый заказ, – и тут истошный крик, нет вопль помощника разом перечеркнул мою благостную мечтательную дремоту о предстоящей выпивке с красотками и прочими земными удовольствиями по возвращении с задания. Этого еще не хватало!.. Мне строго-настрого было указано под любым предлогом в случае чего пакет тот уничтожить. Сжечь? – так пожар на борту разгорится, а огнетушителей не завезли. Съесть? Под страхом четвертования не заставят меня проглотить комок бумаги с сургучом... Да и не успел я еще толком ознакомиться с инструкциями, только документ тот секретный особой важности развернул, как сморило меня... Вот ведь поставили перед выбором, нелегкая его принесла, почище, чем у буриданова осла. А может, пронесет? Очень я не любил делать выбор из двух плохих вариантов.

– Сколько раз тебе повторять: не называй меня «сэр»!

– Есть, сэр! Так точно, сэр!

Вот ведь бестолочь механическая. В одно ухо вошло,

в другое вышло. Хоть кол на голове теши, все одно талдычит. Навязали на мою шею. И нельзя ничего сказать. Молчать надо. Наверняка чей-то любимчик из начальства, иначе как попал на «Топтун»? Чужие здесь не ходят. Легче верблюду пролезть сквозь игольное ушко. Роботы уже и в Департамент персональной ответственности проникли, своих всюду норовят пристроить. Стыдно признаться, как мы дошли до жизни такой...

– Откуда взялась эта штуковина? Что за...

– Не могу знать, сэр!

– Так узнай!

– Похоже на грузовик, сэр! Грузовой корабль, то есть.

– У тебя, что, глаза на затылке? Неопознанный летательный объект. Вот как надо отвечать... Помощник, называется. Чему вас только учили...

– Но, сэр...

– Никаких «но». Я сказал! Слово капитана – закон для подчиненного. Больше никого? Мы одни?

– Так точно, сэр! Признаю свою ошибку. Вы позволите стереть ее из оперативной памяти?

– Валяй, пока я добрый... Так что там у нас?

– Я попробую наладить контакт, с вашего позволения.

– Никаких контактов, дурень! У нас секретная миссия, забыл?

– Но он уже совсем близко, сэр... Мы стремительно сближаемся. Рекомендую объявить по команде режим ЧП.

– Объявляю режим ЧП. Расчехлить торпедный аппарат. По местам стоять! К бою готовсь!

– Есть, сэр, подготовить торпедный аппарат к бою.

– В боевых стрельбах приходилось участвовать, сынок?

– Сэр! Так точно, сэр! Однажды всем курсом выезжали на полигон, под Нижним Тагилом. Но стрелять не подпустили даже близко. Что, если, сказали, зацепит, а за вас отвечай. Вместо этого показали учебный фильм про полигон. Накормили обедом. А спали в каком-то старом сарае, на сене.

– Чтоб их... Жмоты несчастные... Нашли на чем экономить, на боевых стрельбах. Вы же будущие командиры!..

– Не могу знать, сэр!

– Ладно... Что будем делать, старпом? Избегать хорошей драки – это путь трусов, как говорили неандертальцы.

К этому я бы добавил житейское наблюдение от себя: когда все летит кувырком, доверяй своим инстинктам и никому больше.

– Полагаю, сэр, запросить их нацпринадлежность, а потом атаковать.

– Ух ты, атаковать... А если они терпят бедствие?

– Но, сэр, аварийный радиобуй молчит. Может, засада? Пираты...

– Скажешь тоже... пираты... Книжек, поди, начитался в Академии. Но, честно говоря, и мне не очень понятно: вроде как бы нас поджидают, но молчком. И это странно, старпом. Ты согласен?

– Страннее некуда, сэр...

– А пойду-ка я почитаю, что в той бумажке. Может, что и прояснится. А ты пока понаблюдай за обстановкой, понял?

– Так точно, сэр. Есть понаблюдать. И послать сигнал?

– И послать запрос.

– Хорошая работа, помощник.

Надо его подбодрить. Старается хлопец.

– Слушай, все хорошо. Ты замечательный старпом, каких еще поискать.

– Вы меня вгоняете в краску, сэр.

– Тебе не мешало бы усвоить одно простое правило: капитан всегда прав. Вернешься домой – считай, что ты герой. Появятся деньги, найдешь себе подружку. Не сомневайся, будут и новые контракты, и много денег. Купишь себе домик в деревне, свободу. Но сейчас ты нужен стране. Как твое имя, напомни-ка?

– Рафи. Рафи Надаль. Но почему вы решили, сэр, что мне нужен домик в деревне?

– Потому, что я бы сам с удовольствием купил домик в деревне, где-нибудь в графстве Корнуолл. Лучшее место для отдыха во всей Великобритании. Открыл бы турфирму... отель... яхту бы купил...

– Спасибо за совет, сэр. Непременно им воспользуюсь, сэр. Я ведь нигде еще не был после выпуска.

Что там не говори, а мне достался робот из разговорчивых. «Так точно, сэр!» Ишь ты... Вышколили. Может, оно

и к лучшему. Дай им свободы, сколько хотят, хлопот потом не оберешься с ними. Мало ли что взбредет. Программку сами же себе в голове перепишут – и поминай, как звали. Независимость им подавай, суверенитет, права как у людей...

Глава II

Наш (или лучше сказать, мой?) «Топтун» – «челнок» совсем маленький, на двоих, какими бывают автомобили, представляете, наверное? Вроде карликовой инвалидной коляски, короче говоря, класса «мини». Такие есть даже в комплектации на трех колесах, чтобы можно было руками переносить с места на место. Удобно при парковке. На узких городских улочках Парижа в самый раз. Рядом с посудиной, к которой нас сейчас неумолимо влекло, это как бумажный кораблик в сравнении с авианосцем. Преувеличение, конечно, но для наглядности годится. Впрочем, мы остановились на том, что я взял, наконец, в руки пакет, что находился внутри, и распечатал его, хотя сделать это согласно правилам должен был сразу после взлета и выхода на орбиту. Так принято на борту лайнеров солидных авиакомпаний после набора высоты: разносить бодрящие пассажиров напитки, чтобы выпили «на посошок», может быть, в последний раз предались небольшим жизненным радостям, кто знает, всякое может случиться, статистику воздушных катастроф никто ведь не отменял, несмотря на прогресс. Многие не отказывались от даровых якобы щедрот и усердствовали настолько, что им уже было все равно: есть ли жизнь на Марсе, нет ли жизни на Марсе...

– Что желаете? Вам красного вина, сухого? Или, быть мо-

жет, виски *Jack Daniel's*?

Отвратительное пойло, между нами. Поэтому я всегда в таких случаях предпочитал что-нибудь из австралийских вин. Они все хороши: и *Merlot*, и *Kabernet-Sauvignon*. А *Chardonne*!.. А *Shiraz*!.. Это просто сказка, праздник, который всегда с тобой. Старина Хэми знал в них толк.

Пакет, что поменьше, также был скреплен сургучной печатью, но черного цвета с оттиском черепа и снабжен грозной надписью: «Строго секретно! Конфиденциально! Посторонним не вскрывать! Передать по назначению!» Обилие восклицательных знаков кое о чем говорило, но что такое «передать по назначению»? Я был без понятия, о чем речь. В эти детали меня не посвятили. Смутное подозрение мелькнуло, когда я вернулся на пост. Помощник не отрывал глаз от экрана. Очень старательный, надо будет отметить в рапорте. Ба!.. Неужели нас здесь ждут, – ждут, чтобы получить пакет? Логика в этом рассуждении присутствовала: мы знать не знаем, ведать не ведаем, что творим, да и ни к чему нам это, с нас взятки гладки. Мы – простые перевозчики или извозчики, водители кобылы, в данном случае космического челнока. Какая разница? Но, насколько я был осведомлен, из книг, главным образом, нужно знать пароль, чтобы обменяться и не ошибиться, а то, неровен час, попадешь как кур в ошип. Мошенников да шарлатанов во все времена хватало, а уж нынче, в космический век... И миссия тайная к тому же. Обещали прилично заплатить по возвращении. Меньше зна-

ешь, крепче спишь, — гласит народная молва.

Пароль?.. Смешно даже. В космической глуши, где-то на окраине Вселенной, вдали от коммерческих трасс, в темноте и пустоте — и пароль? «У вас продается славянский шкаф? Шкаф продан, но могу предложить никелированную кровать с тумбочкой». Не дурите мне голову, она и так идет кругом. Наверное, надо было прихватить с собой мою верную фляжку, она не раз меня выручала. Два-три глотка — будь здоров и не кашляй! Каюсь, не сообразил. Об этом человеке, как сказал бы в такой ситуации Марк Твен, известно только, что он не сидел в тюрьме, но почему не сидел, неизвестно. Это он обо мне, как в воду глядел. В самую точку. Истины ради, впрочем, известно, поскольку в секретном досье хранится вся наша подноготная. Меня отправили в отставку, сохранив, правда, право на небольшое пособие, сказали, что еще легко отделался. Но я-то ни в чем не виноват! Мой сержант приторговывал оружием. Если конкретнее, четырехствольными аркебузами. Эка невидаль. Да на черном рынке... Ну, вы знаете, аркебуза — это тот же арбалет, но со стволом. Один умелец изобрел аркебузу аж с четырьмя. В спецназе, когда надо действовать без шума и пыли — то, что надо. А он таскал их с нашего склада и был моим подчиненным. Вот начальство и вкатило мне по полной... Типа, куда глядел, командир?.. Кампания шла тогда по борьбе то ли с коррупцией, то ли с терроризмом. На мне и отыгрались, отчитались, галочку в рапорте директору Департамента поставили:

мол, аморальным личностям – бой!.. Сержанта под трибунал, а меня в отставку. И где справедливость, сами посудите? Вот я и покатился по наклонной. Пенсии, пособия, то есть, на жизнь хватало, в общем, а бар – он рядом: всегда можно заглянуть, стаканчик «Дикого Запада» пропустить. И пропускал, не реже шести вечеров в неделю. Один день – выходной, как полагается. А что? Пусть я и не родился в солнечной Мексике, но в душе я мачо. Романтик и сердцеед. Снимаю «напряженку» старым, проверенным дедовским способом.

В тот раз все и случилось.

– Ты его знаешь? – спросил я бармена Джо, кивнув в сторону вошедшего незнакомца. С Джо у меня с первого дня установились ровные дружеские отношения и не в последнюю очередь потому, что я никогда не устраивал скандалов, дебошей, не крушил мебель и не просил выпить в долг, не сидел у него в долговой яме.

Бар «Эль Дорадо» – он для местных, чужие сюда не заходят. И появление каждого нового лица как событие из ряда вон. Незнакомец меж тем неспешно подошел к стойке и заказал «Буканир», а «Буканир», доложу я вам, не из дешевых, не пойло для народа. Я как-то пробовал, – Джо угостил рюмочкой за счет заведения. Так себе. По мне, любая русская водка лучше. И голова после не болит. Бармен Джо, понятно, поспешил обслужить богатенького, судя по всему, клиента, подсевшего аккурат рядом со мной.

– Как самочувствие, Арчи? – начал тот, глядя в сторону

от меня, будто только вчера с ним расстались после очередной попойки и потасовки. — Ты где пропадаешь? Чем занимаешься?

Я даже не очень удивился, что он знает меня по имени. Хотя и не припомню, чтобы где-то пересекались по службе. А что «по службе», это я сразу понял. По галстуку. Все такой же выдают, в полоску, как и в ту пору, что я работал на правительство, и он полагался мне задаром вместе с формой и талоном на обед как старшему офицеру. И по цветастому же платочку, *Pocket Square*, уголок которого небрежно выглядывал из верхнего кармашка пиджака. Уловка на уровне примитива: место для диктофона или переговорного устройства. Кстати говоря, платок-паше появился в аксессуаре мужского костюма при английском короле Ричарде II. Он подчеркивал высокий общественный статус его хозяина и входил в джентльменский набор XVI века. Как у французских мушкетеров шпага, к примеру. Злые языки, впрочем, утверждают, что платок служил в те далекие уже годы не столько для демонстрации манер при дворе, сколько для элементарного утирания физиономии после чихания. Как не покажется странным, но люди чихали с незапамятных времен и чихают до сих пор. Даже на заре человечества, когда понятия о пыли в домах и квартирах, как таковой, еще не существовало, мода на носовые платки воспринималась как временное явление. Однако привычка носить в нагрудном кармашке платочек разных оттенков и цветов сохрани-

лась по сию пору. Как тут не восхититься мыслью о том, что нет ничего более постоянного, чем временное.

– Да все как-то так... Помаленьку. Ничего особенного. Безработный. Денег куры не клюют. Красотки местные проходу не дают. Одна проблема: я не знаю, насколько все плохо в этом прекрасном мире.

Как человек вежливый и воспитанный не мог же я сразу послать незнакомца куда подальше. Надо прежде человека выслушать: что и как... Обостренное чутье меня никогда еще не подводило: казенный галстук здесь неспроста, и похоже, имеет ко мне разговор.

– Отойдем?

Мы сели за столик и только тогда посмотрели друг другу в глаза. Рыбак рыбака, как известно, видит издалека, а разведчик разведчика за версту чувствует.

– Я тут мимо проходил... У нас говорили, что у тебя здесь дом родной, вот, решил заглянуть, спросить, как дела у старины Арчи. Легенда спецназа, как ни крути, а свободное время проводит в какой-то мышинной забегаловке.

– Неужели?

– Да ты послушай, не пори горячку...

– Весь внимание. Но на понимание можешь не рассчитывать, приятель.

– Не скучно живешь?

– Скучно? Да ты шутник, как я погляжу. Вокруг столько дураков... Я здесь как сыр в масле, как в раю с девственни-

цами.

Часто спрашивают: почему, мол, именно 72 девственницы? Отвечаем: в Коране говорится о семидесяти. Вообще, цифра «7» – одна из любимых для мусульман. Но перевод надо понимать так, что правоверного ждут в раю «достаточное» число девственниц, то есть, не менее, чем 70... Кто-то взял и накрутил для верности еще парочку. Но исходя из своего небогатого опыта, я бы предостерег: за все в жизни надо платить, и в том числе, и не в последнюю очередь за удовольствия. И если ты к этому не готов, то лучше держись от удовольствий подальше. И еще одна закавыка: если ты по дороге в Рай, разве не нужно для порядка вначале умереть?

– Понимаю. Я бы тоже не отказался побыть с ними денек. Однако, служба... Дельце тут одно денежное вырисовывается.

– Мне хватает, знаешь ли. Шестьсот талеров в месяц на карманные расходы. С одной стороны, вроде как бедному подачка, а с другой – на выпивку всегда есть, в долг не беру и никому не должен.

– Шестьсот, говоришь? Охотник за головами и несколько сотен талеров – разве для тебя, а? А как насчет шестидесяти тысяч? В настоящих деньгах, в валюте, в кредитах? Неужели откажешься? От молодых, длинноногих и дорогих девочек? А виллу в Чили не желаете? Пуэрто-Варас подойдет? Фьорды, заснеженные вулканы, лесистые горы... Милый городок в немецком стиле на берегу озера Льянкиуэ, красивая при-

рода, прекрасная кухня, морепродукты и лучшие чилийские вина... Ты же еще молодой. Пусть отставник, но у тебя потребности...

– Это уже интересно, про потребности в винах и женщинах, продолжай. Ты же вербовать пришел?

– Продолжаю. Тебя обидели, – согласен. Унизили, – опять согласен. Но черт возьми, вспомни, как ты хорош. Был... А если не растерял за пивной кружкой навыков, ты мог бы очень даже пригодиться.

– Убить кого-то нужно? Сами светиться не хотите, отставников на дело мокрое хотите подписать?

– И к этому добавь погоня с повышением, денежное довольтствие... А как ты смотришь на межгалактическую «зеленую карту»?

– Нелимитированный кредит? Наш армейский «вездеход»? Все банки – наши, как раньше?

– Правда, отчитываться перед бухгалтерией все равно придется, но игра стоит свеч, как думаешь?

– Так в чем дело? Выкладывай уже, мяукни что-нибудь.

Про «мяукни» – это у меня вырвалось, сами понимаете, когда такая тягомотина, а выпить хочется, хоть на стенку лезь.

– Водила нам позарез нужен. Водитель с опытом, уж извини за жаргон. Свой, проверенный. Транспортер, чтобы было понятно.

– Почти уговорил. Это можно. Без вопросов. Но деньги

вперед.

– Само собой. Для начала – половину. Всю сумму начислят по завершении задания. На твой личный счет, куда бы тебя не занесла судьба.

Намек на судьбу мне, откровенно говоря, не понравился. Чем-то нехорошим пахивало и мутным, как ручей Оккервиль, что на окраине города протекал и куда спускали сточные воды. Но назвался груздем – полезай в кузов.

– А что за задание?

– Узнаешь в свое время. Поверь, я не в курсе. А если бы и знал, то не сказал бы. Встретишься с полковником, он тебе все растолкует.

– Учти, для протокола: я не сказал «да». Ваше предложение требуется обдумать. На трезвую голову.

Если мужчина резко меняет свои планы, он ни на что не годен, – полинезийская мудрость.

– Идет. Думай. Я позвоню. Завтра же. Успеешь протрезветь?

– Постараюсь, приятель. Я даже имени твоего не спросил...

– Зови меня майором. Ну, пока, дружище. Надеюсь, еще увидимся.

Никогда не зарекайся от того, что тебе неизвестно и чего не избежать. В этом мире далеко не пойдешь, не набравшись дурных манер. Эту нехитрую жизненную философию я усвоил крепко и навсегда. Сродни поговорке: от сумы и от тюрь-

мы... Да и от судьбы бегать не в моих правилах. Я решил, что хуже не будет, если пойду, повидаюсь с бывшими коллегами. Может, что и выгорит. Предложение и впрямь заманчивое, чтобы отмахнуться с порога. Да и накопления иссякли практически, – это надо честно признать. Провести лучшие годы жизни в компании с Джо, в обнимку с бутылкой?.. Ну уж, нет. Как майор сказал? Молодой... Надо встряхнуться, привести себя в порядок. Начальство привыкло по одежке встречать, по уму провожать. С ним-то, с котелком, все в порядке, а вот на одежду приличную, на костюм надо будет раскошелиться по такому случаю. Надеть сохранившийся парадный китель с аксельбантами, подпоясать кортик, пофорсить боевыми наградами. «Пурпурным сердцем»? – могут счесть за наглость. Не стоит рисковать, представ перед светлыми очами незнакомого мне полковника по фамилии Брокгауз, ставшего начальником отдела спецопераций в Департаменте аномалий после моего вынужденного и незапланированного ухода в отставку. Фридрих Брокгауз... это же надо же. Потомок, что ли, издателя той самой знаменитой энциклопедии, чем и сегодня студенты пользуются? Не исключено, конечно, но то, что немецких кровей – определено, и к бабке не ходи. Да мне без разницы, что немец, был бы человек хороший.

Человек в начальственном кресле, однако, никак не походил на европейца. Скорее, багдадский вор, но без куфии, – я рассмотрел таких в цветных иллюстрированных журналах.

Круглая, как блин, физиономия с тяжелым тройным подбородком. Пухлые мясистые губы. Широкий «негроидный» нос. Волосатые руки. Глаза... глаза, естественно, зеркало души. У полковника они казались черными маслинами, вдавленными в глазные впадины, бегающими туда-сюда, то есть, неспособными сосредоточиться на объекте даже на секунду. Они не внушали доверия. Впрочем, все искупала игравшая на его смуглом личике широкая и лучезарная улыбка, явно заранее заготовленная для вошедшего гостя, и непомерно большой живот. Улыбка – для меня, живот – для хозяина кабинета. Полковник не знал, – откуда же? – что я не просто «Арчи». Я еще и «Длинные Усы», и меня не проведешь, как воробья на мякине. Я сам готов сцапать воробья, если тот зазевается.

– Таким я вас и представлял...

Полковник закрыл единственную папку с документами, лежавшую перед ним, и положил ее в монументальный стальной сейф. Интересно, он что, думает, я пришел к нему, чтобы прихватить ее с собой на обратном пути в качестве сувенира?

– Вы молодец, Арчибальд! Несмотря на занятость, нашли время, чтобы навестить старых друзей. Это очень важно. Брокгауз. Фридрих. Зовите меня запросто, Фридди. Какие церемонии могут быть между нами... Боевое братство спецназа, оно навеки.

Старая как мир песня: мы все – одна семья, обязаны за-

ботиться друг о друге. Полковник, очевидно, полагал, что я тоже отчасти грек, потому что я с виду потомственный средиземноморский еврей.

– Прошу садиться.

Багдадский вор повелительным жестом указал на кресло возле огромной столешницы. Ее сходство с бильярдом подчеркивало сукно зеленого цвета. У всякого начальника свои недостатки. Точнее, свои причуды. Вполне извинительное обстоятельство: на то оно и начальство...

– Я сразу понял, что вы умный человек и примите правильное решение.

Когда люди с вами вежливы, они хитрят и держат камень за пазухой.

– А вы, господин полковник?

– Фридди, дорогой. Для вас я – Фридди.

– И все же?

– Когда как. Как это писал Владимир Маяковский, не помните? Про Ленина... В школе разве не проходили?

– «Он к товарищу милел людскою лаской. Он к врагу вставал железа тверже...»

– Вот-вот... Я – практик. И ничто человеческое мне не чуждо.

– От практиков все зло на Земле.

– Иногда практичность сродни высшей нравственности. Особенно, когда приходится принимать решения, касающиеся судьбы миллионов. Сейчас, если говорить откровенно,

судьба человечества в некотором роде в ваших руках. Департамент вам доверяет миссию особой важности.

Как верно подмечено, даже двое могут хранить тайну, если один из них мертв.

– Позвольте вам напомнить, Фридди, я уже бывал в ситуациях, когда ради человечества приходилось бросаться под танк.

– Не сомневаюсь. Будем считать, что договорились, милейший. Берегите себя!.. И хранит Бог нас и наш Департамент!

Вот так, за беседой за бильярдной столешницей все и произошло. И я подписал контракт. Какой смысл мечтать о счастье в стойле? Пришлось немного повозиться с хитрым греком, притворяющимся немцем. Поторговаться, продать себя подороже, – мне это удалось за семьдесят тысяч кредитов. Пустячок, а приятно. В конечном итоге важен результат, а не переговоры. Сам процесс может вызывать у вас рвотный рефлекс, как в цехе, если понаблюдать, из чего делают сардельки. То, что полковник – грек, я не сомневался ни на минуту, сразу, едва вошел в кабинет, поскольку директор Департамента – тоже грек. У них это называется: гордиться своими корнями. Люди вообще делятся на греков и тех, кто хотел бы ими быть. Потому что греки подарили человечеству мифы Древней Греции, и одно это что-нибудь да значит. Если вы прилежно учились в школе, то наверняка обратили внимание на то, что в этих мифах многие греческие

герои подобны богам, а богам не чуждо ничто человеческое, включая жестокость, несправедливость, похоть и лживость. Что в свою очередь приводит к трезвой мысли о том, что те и другие слеплены из одного теста. С той, правда, разницей, что боги обитают на высокой горе Олимп, а простые греки ютятся у ее подножия. Но все равно быть греком – счастье. А быть толстым греком – еще большее счастье. Если, конечно, не возражаете. Поэтому яблоко от яблони недалеко падает. Отсюда же и поговорка: ну как не порадовать родному человечку?.. Но это неважно. Сделка с самим дьяволом чего-то да стоит. Господь нас не зря наставлял: «Я дам тебе жизнь и смерть. Ты должен выбрать, заключить договор с Богом или сторговаться с Дьяволом». Выходит, сегодня мне подвернулся Дьявол.

Важно, что в результате я оказался на «Индеворе». Кто-то из Департамента предложил присвоить кораблю имя, что носил барк Джеймса Кука, знаменитого мореплавателя, исследователя южных морей в его первой экспедиции. Я же предпочитаю называть его «Топтун». Да-да, конечно, отсебятина, не спору. Просто я так называю свой корабль. Имею право. Я – капитан. И я – кот, если не забыли. Люди просто не доросли до понимания некоторых вещей. Я не заостряю на этом вашего внимания, чтобы не показаться невежливым. Однако же как существо инопланетного происхождения, не премину заметить, что мы наделены даром предвидения, интуицией, на порядок превосходящей вашу. И это

не мое умозаключение, а общеизвестная истина, как дважды два – четыре. А наши связи с темной материи и с потусторонними силами, заполняющими потайные уголки Вселенной, вам и не снились. Поэтому знайте свое место и не открывайте рта, пока вас не попросили... Короче, не суйте ваш грязный нос в чужие дела, тем более что по части распознавания запахов мы вам фору дадим в дюжину раз. Вы в курсе, что только несколько процентов в общении приходится на слова, еще немного – на тембр голоса? Ага... Остальное все – язык тела. Так вот, по части артистизма и притворства нам, кошачьей расе, нет равных. В целом, усвойте раз и навсегда: вы – всего лишь подвид человекообразных обезьян, от которых и произошли, хотя некоторые из вас и не согласны с Чарльзом Дарвином. Тот, хоть и не был семи пядей во лбу, но родословную вашу, начиная с дикарей, изучил досконально. Вам все ясно или повторить? Молчание – знак согласия. И оно же золото.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.